

СЛОВО В ПЕРСПЕКТИВЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

К 100-летию
М. И. Стеблин-Каменского

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 83.3(0)9

С 48

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 02-04-16014

С 48 Слово в перспективе литературной эволюции: К 100-летию
М. И. Стеблин-Каменского / Отв. ред. О. А. Смирницкая; Сост.
О. А. Смирницкая, Ф. Б. Успенский. — М.: Языки славянской
культуры, 2004. — 488 с., ил., вклейка после с. 256. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-94457-169-1

Сборник посвящен «трудным текстам» древнегерманской и древнеры-
ландской литературы — от отдельных строк в «Беовульфе» до отдельных эпизо-
дов «Младшей Эдды». Предлагая новые истолкования данных текстов, авторы
исходят из общей предпосылки, что трудности их прочтения симптоматичны
и представляют большой теоретический интерес, ибо они заложены в самой
поэтике памятников и отражают их место в становлении литературы. Замечательная
особенность большинства обсуждаемых памятников состоит в том,
что они принадлежат одновременно устной и письменной культуре. Они были
записаны (или написаны) самими носителями традиций и на ее условиях. За-
пись, таким образом, не отчуждала их от традиции и от устных текстов, про-
должавших бытовать в обществе. Вместе с тем она вводила их в новый кон-
текст письменной литературы, определяя вектор их смысловых трансформа-
ций и сообщая многомерность, а часто и конфликтность их языку.

ББК 83.3(0)9

*В оформлении переплета использован фрагмент ирландской
рукописи VIII в. Англия. Четвероевангелие.*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G-E-C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G-E-C GAD.

ISBN 5-94457-169-1

9 785944 571694 >

© «Языки славянской культуры», 2004
© Авторы, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Предисловие (О. А. Смирницкая)	9
I	
<i>A. Циммерлинг. В поисках устного текста</i> Anton Zimmerling. Towards the Oral Text	21
<i>E. А. Гуревич. От обвинения к повествованию: особенности жанра перебранки в «прядях об исландцах»</i> Elena Gurevich. From Accusation to Narration: The Characteristic Features of the Genre of <i>senna</i> in the «Stories of the Icelanders»	43
<i>Т. Л. Шеняевская. К типологии формул именования персонажей в сагах</i> Tatiana Shenyavskaya. On Typology of the Name-Giving Formulas in the Sagas	71
<i>Ф. Б. Успенский. К вопросу о жанровой характеристики нида</i> Fjodor Uspenskij. To the Problem of Genre Characterization of <i>Nið</i>	93
<i>Т. А. Михайлова. К проблеме исходного значения древнеирландского áer ‘поношение’: (юридический термин и/или поэтический жанр)</i> Tatiana Mikhailova. The Old Irish áer «a libel»: a Law Term or/and a Poetic Genre	107
<i>И. В. Свердлов. Квидлинги: форма и функция</i> Ilya Sverdlov. <i>Kviðlinger</i> : Form and Function	117
<i>Ф. Б. Успенский. Категория свойства (mágsemð) в древнескандинавской модели родовых отношений: К постановке про-</i>	

блемы	
Fjodor Uspenskij. The Category of Affinity (mágsemð) in the Old Norse Model of Family Relations	130
<i>Ю. А. Клейнер. Сюжет — песнь — традиция</i>	
Yuri Kleiner. The Plot, the Song, and the Tradition	161
<i>О. А. Смирницкая. О многозначности эпического текста (комментарий к строфам «Гренландской Песни об Атли»)</i>	
Olga Smirnitskaya. On Variability of an Epic Text: A Case of <i>Atlakviða</i>	173
<i>О. А. Смирницкая. Неопознанные субъекты (две заметки по исторической поэтике)</i>	
Olga Smirnitskaya. Unidentified Subjects	203
Древнеисландская «Песнь о Солнце» (введение, перевод и комментарий М. В. Раевского)	
<i>Sólarljóð. Translated with an Introduction by Mikhail Rajevsky</i>	229
 II 	
<i>В. П. Калыгин. Поэма «Mál ad-rúalaid iatha marb...» в контексте древнейшей ирландской поэзии</i>	
Viktor Kalygin. The Poem «Mál ad-rúalaid iatha marb...» in the Context of Archaic Irish Poetry	251
<i>Т. Б. Магницкая. Некоторые особенности синтаксиса древнеанглийского эпического текста</i>	
Tatiana Magnickaya. Some Syntactic Features of the Old English Epic Narrative	265
<i>Р. Русяцкене. Лексика, обозначающая «смерть», в контексте древнеанглийской поэзии</i>	
Rasa Ruseckiene. Words Denoting Death in the Context of Anglo-Saxon Poetry	272
<i>И. И. Чекалов. Меч в «Беовульфе»: аспекты изображения и фабульная значимость</i>	
Ivan Chekalov. The Sword in <i>Beowulf</i>	283

<i>Т. А. Михайлова.</i> О славе неувядающей Tatiana Mikhailova. On the Everlasting Fame	294
<i>Н. Ю. Гвоздецкая.</i> Древнеанглийский поэтический стиль: сло- во и текст Natalja Gvozdetskaya. Old English Poetic Style: Diction and Text	307
<i>Н. Ю. Гвоздецкая.</i> Древнеанглийская лирика: семантика ком- позиции Natalja Gvozdetskaya. Old English Lyrics: the Semantics of Composition	334
<i>Т. В. Бочкирева.</i> Хронотоп древнеанглийской элегии «Скита- лец» Tatiana Bochkareva. The Chronotopic Structure of the «Wan- derer»	352

III

<i>Н. А. Ганина.</i> Ильдико-Гримхильд: основания и смысл транс- формации имени в германской традиции Natalia Ganina. Grundlagen und Sinn der Umgestaltung des Namens in der germanischen epischen Tradition	377
<i>Н. А. Ганина.</i> Нibelунги: к этимологии и орфографии Natalia Ganina. Die Etymologie des Namens «Nibelungen»	388
<i>Н. Б. Пименова.</i> Два древнегерманских «поэтических архаиз- ма» (предметность и стилистичность слова в историко-ти- пологической перспективе) Natalja Pimenova. Die Funktionen und Typologie der altger- manischen poetischen Archaismen *guman und *weraz ‘Mann; Krieger’	408
<i>Т. К. Салбиеv.</i> Мотив мести в эпосе англосаксов и осетин Tamerlan Salbiev. The Motif of Revenge in the Anglo-Saxon and Ossetian Epic Tradition	424

<i>И. И. Чекалов.</i> Макбет в сопоставлении с Херемодом и проблема фабульной вариативности Ivan Chekalov. <i>Macbeth and Heremod</i>	429
<i>И. И. Чекалов.</i> Проблема множественности источников сюжета о Гамлете и Амлете как мастеровой в «Деяниях данов» Саксона Грамматика Ivan Chekalov. The Intricacies of the Early Literary History of the <i>Amleth</i> Story	445
<i>Т. А. Михайлова.</i> «Цвета ветров» Tatiana Mikhailova. The Colours of Winds	463
Сведения об авторах	484

Предисловие

Просыпаясь и вспоминая, что снилось, обнаруживаешь в своих снах пласти разных «я», разные постоянно повторяющиеся сны (т. е. разные типы творчества, разные порождающие грамматики?). (...) Но ведь и когда бодрствуешь, обнаруживаешь в себе разные «я»: «я», сочиняющее научные работы, «я», выступающее на заседаниях, «я», беседующее с друзьями (и даже с разными друзьями — разные «я»!). Так что, конечно, вполне возможным было сочетание скальдического творчества (т. е. «я», сочиняющего скальдические стихи) с эддическим творчеством (т. е. «я», не расчленяющего исполнения и сочинения стихов) в одном и том же человеке.

М. И. Стеблин-Каменский. Из записных книжек

Как-то в начале 70-х годов, рекомендую М. И. Стеблин-Каменскому одну мою подающую надежды студентку, я сказала: «Н. Н. — моя лучшая ученица». Михаил Иванович приподнял брови и произнес: «Это вы по молодости лет. Пора бы вам знать, что никаких учеников не бывает». Я не поняла тогда, что он имел в виду. Ведь я привыкла видеть Михаила Ивановича в окружении блестящих молодых филологов, чтивших его как своего учителя и перенимавших даже самый строй его мысли, даже его несравненную иронию. Я и сама многому училась у Михаила Ивановича, переводя под его началом «Младшую Эдду», а затем исландские саги.

Лишь позже, лучше узнав его, я, кажется, все-таки уяснила себе смысл той его фразы. Михаил Иванович глубоко уважал в человеке его индивидуальность. Он не «растягивал учеников». Он хотел бы, чтобы человек, пробующий силы в филологии, сам прошел свою часть пути ему навстречу и уже «имел бы, что сказать». Из всего Чехова он выделял рассказ «Скучная история» и не раз вспоминал

«Вещи» (в данном случае преимущественно памятники древнероманской и древнеирландской литературы) кажутся нам готовыми в силу иллюзорности самой ретроспекции, представляющей их как памятники, навсегда застывшие в своей рукописной даниности. Такое впечатление возникает, например, если искать в древнескандинавской поэзии лишь след, слепок ее устного и, как предполагали сторонники теории Пэрри — Лорда, единственно органичного существования. Текучесть устных текстов, их подлинная жизнь (о которой судили по фольклору нового времени), согласно этому взгляду, застыла в вещественности формул. Формулы можно тем или иным образом систематизировать, но нельзя оживить их в изначальной функции, проявляющейся, согласно данной теории, лишь в момент устного творчества. Между тем исследования последних десятилетий и среди них исследования самого А. Б. Лорда убеждают, что формулы древнескандинавской поэзии — это не только данность ее языка, свидетельствующая об ее устном происхождении, но и работающий механизм, обеспечивающий устойчивость поэтической традиции и ее эволюцию в меняющемся культурном контексте. Поэзия Кюневульфа (англосаксонский монастырский поэт конца VIII — начала IX в.) не менее формульна, чем «Беовульф». Этот факт говорит о динамичности формул, но также о том, что, хотя Кюневульф обнародовал свое имя, вписав его рунаами в тексты некоторых своих сочинений, он не противопоставлял себя традиции, т. е. не обладал индивидуальным авторским самосознанием.

Итак, изнутри своей культуры «памятники» не располагаются по обе стороны границы, разделяющей устность и письменность, но свидетельствуют об относительности этой границы. Оказывается бесперспективным представление, что англосакс или исландец, записавший на пергаменте текст, так или иначе связанный с устной традицией, должен быть непременно либо «фольклористом», фиксирующим известную ему устную версию, либо — как альтернатива — «писателем», использующим элементы традиционной техники в целях наиболее эффективного воздействия на аудиторию.

Запись сама по себе не пресекает традицию. Но она становится возможной лишь в тот исторический момент, когда устная и письменная культуры обнаруживают повышенную способность

к интерференции, а иногда и взаимоотождествлению. Записанный текст, как и его устные прототипы, одновременно и совершенен, т. е. наилучшим образом выполняет свое социокультурное предназначение, и не завершаем, т. е. таит в себе прорастающие черенки, новые фазы роста. Если, тем не менее, эти черенки не получают развития и гибнут, то причину тому часто следует видеть не в старости текста (ср. распространенное мнение, что «Беовульф» был уже мало кому интересен ко времени, когда записывалась его дошедшая до нас рукопись), а в историческом моменте, совпадающем с концом эпохи и поворачивающем развитие литературы в ином направлении.

Большинство статей предлагаемого сборника могло бы носить подзаголовок «общие выводы из частного материала» (такой подзаголовок носит одна из статей М. И. Стеблин-Каменского). Конкретные языковые и композиционные структуры изучаются авторами как *работающие механизмы*, созданные устной культурой для хранения социально значимой информации и вместе с тем обеспечивающие смысловую реорганизацию текстов и их жанровое развитие в условиях контакта с письменной культурой.

Первые два раздела сборника посвящены преимущественно древнеисландским (I) и древнеанглийским (II) памятникам. Взаимодействие традиции и книжности совершалось в них существенно различным образом. Можно говорить с известной долей условности о разном векторе этого взаимодействия.

В Исландии мы имеем дело с уникальным случаем — изначальным сознанием полноправия своего языка и своей культуры *sub specie aeternitatis*. Исландцы были восприимчивы к книжному знанию, но чужое воспринималось как заморское и осваивалось постолько, поскольку оказывалось переводимым на язык традиции. Поэтому литературное развитие совершалось в Исландии, как если бы оно было «предоставлено эволюции своих собственных народных основ» (Беселовский). Поэтому всякое повествование о прошлом, дошедшее со стороны, приобретало под пером исландских книжников форму саги. Но вместе с тем экспансия саги за пределы исконной области сообщения (события исландского прошлого) существенно видоизменяла сложившиеся в ней коммуникативные

механизмы и вела к соответствующим изменениям в канонах сагового повествования.

Для эддической поэзии следование эволюции ее собственных основ означало, напротив, замыкание ее в собственной сфере, не соприкасавшейся с иным знанием о мире. В «Прорицании вёльвы» искали отражение миллиенистских ожиданий, разочарование в старых богах и упование на лучшее будущее. Но все эти прочтения возникают лишь при наложении песни на нерелевантный для нее культурный фон². Эсхатология «Прорицания вёльвы» носит самодовлеющий характер и не нуждается во внешней мотивировке. Ход событий в этой песни еще предопределен мифологическими представлениями о судьбах мира и не соотнесен с ходом исторического времени. Важно, что представления об устройстве мифологического и героического миров воплощаются в самой форме эддических песней — в их стихе, устройстве их поэтического языка, композиционной структуре и т. д. Поэтому, в частности, эддические песни легко поддаются типологизации.

Сказанное не должно пониматься в том смысле, что эддические песни — это строго фиксированные тексты, не допускавшие подновления в традиции. Но, насколько можно судить, и сами подновления в данном случае (в чем бы они ни состояли) лишь способствуют предельному выявлению и канонизации их жанровых признаков. При этом аналитический взгляд исследователя может, по-видимому, не совпадать с восприятием исконной аудитории. Так, если исследователь видит в языковой многовариантности «Песни об Атли» синхроническую проекцию изменчивости текста, т. е. совмещение в данной песни разных фаз ее существования во времени, то аудитория скорее всего слушала песнь как древнюю весть о темных, непостижимых событиях, произошедших некогда. Затемненность ее языка тем самым наделялась поэтической значимостью и не предполагала прояснения, т. е. аналитической процедуры декодирования сообщения.

Термин «абсолютная эпическая дистанция» целиком оправдывает себя в отношении героических песней «Эдды». Он подразумевает не только замкнутость эпических событий в своем времени, но и непререкаемость героических ценностей. Фигура поэта, комментирующего предание с внешней по отношению к нему точки зрения, не могла бы здесь появиться.

В Англии вектор взаимодействия традиции и книжности был принципиально иным. Традиционные жанровые формы могли здесь удержать свою высоту и в силу этого перейти на пергамент лишь постольку, поскольку они находили себе место в доминирующем контексте двуязычной книжной литературы. Аллитерационная поэзия продолжала существовать и развиваться как жанр среди жанров; она не дискриминировалась, но, входя в единый круг чтения с инокультурными и, прежде всего, христианскими текстами, претерпевала глубочайшую внутреннюю трансформацию. Важно понять смысл и сами механизмы этой трансформации. Для этого недостаточно констатировать смещение или амальгамацию (излюбленный термин литературных критиков) героического и христианского начал в «Беовульфе». Гораздо существеннее, что взаимодействие обоих начал предстает в эпосе как конструктивный фактор самого развертывания эпического повествования. Героический мир детально и с замечательным искусством воссоздается в первой части «Беовульфа» и в ней увековечивается. Именно эта часть служит основным материалом для изучения техники эпического повествования на высшей стадии ее канонизации. Но в какой-то момент в поэме возникает новый голос, звучащий не в лад с преобладающим тоном повествования и его каноническими темами: геройский мир оказывается в самой поэме предметом рефлексии с позиций иного, более полного знания. Эта переоценка геройских ценностей влагается в уста поэта, комментирующего свой рассказ о давнем прошлом, но также и в уста умудренного опытом персонажа (Хродгар). Знаменательно, что смысловая и вместе с тем жанровая трансформация эпоса мотивируется самим сюжетом: новое знание не привносится в эпос извне, а рождается в нем, раздвигая границы эпического повествования и вводя его в поток мирового времени. Мир героев, каким он представляется с высоты этого нового, достигаемого знания, — это уже не «твердое», абсолютное прошлое, а время, исчерпавшее себя и оставшееся позади.

Но выход за пределы геройского прошлого, обозначившийся в «Беовульфе» и определяющий все построение древнеанглийских элегий, был бы неосуществим, если бы он не обосновывался

лингвистически — движением смыслов в самом поэтическом слове. Верно, что слово в эпосе неотделимо от своего предмета, но важно разглядеть в этой неотделимости момент динамики: новые предметы (концепты) не вводятся в текст по произволу поэта, т. е. в соответствии с его «художественным замыслом». Они находят основание в подвижности семантической структуры поэтического слова. Путь мысли, совершающийся в древнеанглийских поэтических текстах, представляется изнутри их структуры как берущий начало в слове.

Тема *слова в перспективе литературной эволюции*, заглавная для сборника, получает освещение также в работах, посвященных интерпретации древнеирландских текстов. Эти работы существенно углубляют сопоставительный план I и II разделов сборника. Что же касается статей, составляющих его III раздел, то в них данная тема рассматривается в ином ракурсе. Если авторы первых двух разделов руководствуются преимущественно методом внутренней реконструкции, т. е. делают общие диахронические выводы на основе синхронического анализа конкретных памятников, то в статьях III раздела сборника сопоставляются и связываются единой гипотезой материалы текстов, далеко отстоящих друг от друга во времени и в пространстве. Связи эти выявляют скрытый пласт устной традиции или, скорее, заставляют предполагать его существование, ибо сами каналы передачи информации остаются в данном случае за пределами реконструкции. Остается неизвестным, какими путями распространялась молва, мигрировало и принимало новые формы предание; в какой среде сохранялись (и были воспроизведены в письменных текстах разных эпох и ареалов) те или иные мотивы и образы. Не всегда можно сказать определенно, что перед нами — дальние отзвуки единой в своих истоках традиции, отдельные типологические схождения или литературные рефлексы неких универсалий архаического мировосприятия. Если бы разделы сборника имели эпиграфы, то эпиграфом к статьям III раздела могло бы быть шекспировское: «*We are such stuff/ As dreams are made on; and our little life/ Is rounded with a sleep*».

Важным ориентиром в исследованиях данного направления служит «твёрдый материал» традиции — имена собственные и поэтизмы, на целую эпоху исчезающие из поля зрения и вновь появля-

ющиеся на поверхности письменных текстов: Ildico — Kriemhild — Grímhildr; Amlóði — Amleth — Hamlet; weird sisters.

O. A. Смирницкая

Примечания

¹ (с. 11). Первый такой семинар сложился в Ленинграде еще в начале 70-х годов. Им руководил тогда А. С. Либерман.

² (с. 14). Поэтому христианские поэмы, даже отражающие влияние эддической поэтики, принято — хотя и с известной долей условности — относить к скальдической поэзии; такова, в частности, «Песнь о Солнце», публикуемая в настоящем сборнике в переводе М. В. Раевского.